

**Електронна бібліотека
видань історичного факультету
Харківського університету**

Ручинская О. А. Религиозные обряды и празднества в общественной жизни античных городов Северного Причерноморья // Древности-1994. Харьковский историко-археологический ежегодник. – Харьков: АО «Бизнес Информ», 1994. – С. 73 – 86.

При використанні матеріалів статті обов'язковим є посилання на її автора з повним бібліографічним описом видання, у якому опубліковано статтю. Дана електронна копія статті може бути скопійована, роздрукована і передана будь-якій особі без обмежень права користування за обов'язкової наявності першої (даної) сторінки з повним бібліографічним описом статті. При повторному розміщенні статті у мережі Інтернет обов'язковим є посилання на сайт історичного факультету – <http://www.istfak.kharkov.ua>

Адреса редакційної колегії:

Україна, 61077, Харків, пл. Свободи, 4,
Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна,
історичний факультет. **E-mail:** istfac@univer.kharkov.ua

©Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна; історичний факультет

©Автор статті

©Оригінал-макет та художнє оформлення – зазначене у бібліографічному описі видавництво

©Ідея та створення електронної бібліотеки – А. М. Домановський

О. А. Ручинская

РЕЛИГИОЗНЫЕ ОБРЯДЫ И ПРАЗДНЕСТВА В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ АНТИЧНЫХ ГОРОДОВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

азнообразные обряды и церемонии были характерным элементом древнегреческой религии. В Северном Причерноморье эти культовые действия нашли свое продолжение и активно включались в общественную жизнь городов. Надписи, упоминающие о жреческой деятельности, жертвенники и алтари, наконец свидетельства о проведении в северопоинтийских городах священных агоний позволяют говорить об определенной обрядовой системе почитания богов. Однако эта тема до настоящего времени остается фактически не изученной, что во многом объясняется отсутствием

нарративных и отрывочностью других исторических источников. Комплексное же использование всех имеющихся материалов (эпиграфических, археологических, нумизматических) и привлечение косвенных свидетельств античных авторов дает возможность воссоздать общую картину религиозных обрядов в городах Северного Причерноморья и выяснить их роль в общественной жизни северопоинтийских греков на протяжении всей античной эпохи.

В каждом городе Северного Причерноморья, как и в любом другом древнегреческом полисе, был строго определенный круг государственных культов. Наблюдение за отправлением таких культов входило в обязанности государства, а само почитание обычно сопровождалось общественными сакральными церемониями.

Одним из важнейших моментов при отправлении культов у древних греков являлось жертвоприношение. Приписывая богам человеческие качества, они относились к ним так же, как к могущественным людям, и для приобретения их дружбы и покровительства или отвращения гнева старались умиловить разного рода дарами [1, с. 80]. Собственно, почти никаких письменных подтвержденных обрядовых норм, которые признавались бы всем эллинистическим миром, не существовало. Но в отдельных полисах широкое распространение получила точная запись сакральных предписаний, особенно касавшихся материальных обязательств перед богами. Граффито из Зенонова Херсонеса свидетельствует, что подобная пунктуальность в соблюдении религиозных правил, вероятно, была присуща и полисам Северного Причерноморья. Жители этого беспорского города на рубеже V — IV вв. до н. э. посвящали в дар богине Деметре строго определенную норму зерна [2, с. 128]. К еще более раннему времени (VI — V вв. до н. э.) относятся граффиты, свидетельствующие о посвящении двадцатины богу Аполлону на Березани и в Ольвии [3, с. 289, № 99]. В городах Северного Причерноморья, видимо, издавались и специальные законы, регулирующие жертвоприношения. Таким сакральным законом является надпись III в. до н. э. из Ольвии, сообщающая об установлении цен на жертвоприношения: за быка — 1200 медных монет, за овцу и козу — 300 монет, за кожу — 60 [4, № 76]. Подобный закон с детально установленными видами и размерами приносимых жертв еще в VI в. до н. э. был выставлен на всеобщее обозрение в метрополии Ольвии — Милете [2, с. 129].

и
в
т
а
т
с

На некоторую связь и, возможно, преемственность между сакральными законами Милета и Ольвии указывает договор об исополитии IV в. до н. э., один из пунктов которого гласил об урегулировании равноправия в жертвоприношениях [5, с. 264, № 35]. Тесную религиозную связь с метрополией, особенно на ранних этапах существования ольвийского государства, а также соблюдение общих сакральных обрядов подчеркивает графито из Березани [6, с. 26]. В нем сообщается, что жители этого поселения в конце VI в. до н. э. сделали богатое приношение (700 быков) Аполлону Дидимейскому. Скорее всего, и ольвийский сакральный закон III в. до н. э. был использован при совершении обрядов в честь Аполлона — верховного божества как Милета, так и Ольвии. Сакральные законы учреждались и в других городах Северного Причерноморья. Надпись первых веков н. э. из Фанагории свидетельствует о существовании таких священных уставов по проведению религиозных обрядов на Боспоре [7, № 1005]. По мнению В. В. Латышева, подобный закон, регламентирующий празднества и жертвоприношения, существовал и в Херсонесе [8, с. 37, № 12]. Но надпись плохо сохранилась и получить более подробные сведения об этом *lex sacra* не представляется возможным. Косвенным подтверждением вероятности его существования является культовый закон другого дорийского города на западном побережье Черного моря — Каллатиса, в котором предписывается, где и как совершать жертвоприношения в честь Диониса [9, с. 95]. Кроме того, имеется свидетельство, что в 276 г. до н. э. херсонеситы пожертвовали в сокровищницу Делосского храма Аполлона три серебряные фиалы [5, с. 250, № 25-27], что свидетельствует о стремлении Херсонеса поддерживать тесные связи с общегреческими святилищами, а следовательно, и соблюдать традиционные обряды. Подобную фиалу пожертвовал в делосскую сокровищницу и боспорский царь Перисад II [5, с. 250, № 28]. Религиозные связи, основанные на обряде приношения даров в знаменитые общегреческие святилища (Дидимы, Делос), безусловно, поднимали престиж местных святилищ в городах Северного Причерноморья.

За соблюдение сакральных норм, руководство жертвоприношениями и другими обрядами отвечали жрецы. В Херсонесе первоначально жертвоприношения осуществлялись сакральным царем (*βασιλεύς*) [4, № 410, 412]. По словам Аристотеля, царь, где он еще существовал в его время, являлся магистратом, тесно связанным с религиозной жизнью государства [10, Полит., III, IX, 7-8]. К примеру, в Мегарах в IV в. до н. э. право приносить от имени государства жертвы имел именно царь [11, с. 64]. Судя по надписям, такая практика проведения общественных жертвоприношений существовала в IV — III вв. до н. э. и в Херсонесе. Позднее эта функция, по-видимому, переходит к жрецам богини Девы и существует вплоть до II — III вв. н. э. [12, № 111, 112]. Высшие жрецы храма Девы были и эпонимами Херсонеса [13, с. 13], что подчеркивает их значимость в общественной жизни города.

В Ольвии (а также, вероятно, и в городах Боспора) священные общественные обряды, приуроченные к важным государственным событиям, проводились жрецами бога Аполлона. Это предположение подтверждают сведения об эпонимии главных жрецов Аполлона в Ольвии, начиная с IV в. до н. э. [4, № 32, 201; 14, № 26, 30, 61, 113]. В послегетское время в Ольвии эпонимами становятся первые архонты, но они могли выполнять и жреческие обязанности [4, № 42].

Должность жреца в Древней Греции всегда считалась священной и пользовалась большим уважением у граждан. Надписи из Пангикаея, Фанагории, Гермонассы свидетельствуют, что на протяжении V — II вв. до н. э. жрецами в храме Аполлона были представители высшей боспорской знати [7, № 6, 10, 25, 974, 1037-1039, 1044]. В Херсонесе жреческие обязанности исполняли богатые и знатные граждане Агасикл и Аристоники [4, № 418, 423], в Ольвии — Феокл и Каллисифен [4, № 40, 42]. Такая практика была характерной для демократических полисов, так как жреческие обязанности часто требовали значительных трат личных средств.

В древнегреческих городах должность жреца можно было получить несколькими способами: по наследству, посредством выборов или с помощью жребия, а также покупкой [1, с. 51; 15, р. 227-228]. В Ольвии и Херсонесе, городах с демократическим

устройством, вероятнее всего, проводились выборы жреца. При этом срок жречества, возможно, определялся в один год. На это косвенно указывает соединение с обязанностями жреца эпонимии. Кроме того, о непродолжительности срока свидетельствует возможность неоднократного занятия должности. К примеру, дважды жрецом становился ольвиополит Апсог [4, № 139]. Относительно городов Боспора также можно предположить выборность должности жреца. Еще И. И. Толстой отмечал, что жречество Аполлона Врача на Боспоре не принадлежало одному какому-нибудь роду и было доступно всем гражданам [16, с. 2]. Частое же упоминание в надписях IV — II вв. до н. э. об окончании срока жречества подтверждает его непродолжительность [7, № 6, 10, 25, 974, 1037-1039, 1044].

На основании имеющихся материалов можно выделить несколько видов жертвоприношений, в которых принимали участие северопонтийские греки. Прежде всего это анафематы (ἀναθήματα) — различные предметы, приносимые в дар богам. Граффити на сосудах из Херсонеса, Ольвии и городов Боспора свидетельствуют, что там очень популярными были приношения в виде предметов гончарного ремесла [17]. Наличие большого количества сосудов незначительной ценности с неуклюжим почерком позволяет говорить, что в жертвоприношениях участвовали все граждане города, независимо от их социального и материального положения. Делались и дорогие приношения: золотые венцы и статуэтки Ники [14, № 79, 80, 83], украшения [4, № 80; 14, № 81], драгоценные сосуды [5, с. 250, № 25-27, 28]. Мопетные находки в святилищах Ольвии, Херсонеса и городов Боспора [18, с. 152-160], а также эпиграфические данные о суммах херсонесских даров [4, № 440-442] свидетельствуют о денежных пожертвованиях в храмы Северного Причерноморья. К числу особенно дорогих приношений следует отнести статуи, жертвенники и алтари, отмеченные эпиграфикой Ольвии [8, с. 9, № 5; 4, № 327], Херсонеса [12, № 125], Паптикаея [7, № 6, 6а, 10, 14]. При этом ольвийские и паптикаейские надписи свидетельствуют, что данные приношения часто совершались самими жрецами. Анафематы обычно принадлежали святилищу божества в качестве его собственности и служили или для украшения храма, или для потребностей культа [1, с. 81].

В храмах Северного Причерноморья, вероятно, существовали приношения в виде плодов, фруктов, кушаний, которые или просто оставались на алтарях, или сжигались, то есть устраивались бескровные жертвоприношения. Проведение такого обряда подтверждают находки глиняных культовых хлебцов и штампов для их изготовления в Ольвии [19, с. 142], Паптикаее [20, с. 16], Херсонесе [21, с. 79].

Графическое изображение на ольвийской посвяtitельной стеле в честь Аполлона отражает обряд возлияния (рис. 1), по-видимому, совершавшийся в городах Северного Причерноморья [4, № 101]. Для проведения этого обряда существовали особые жертвенники с небольшими углублениями для жидкости [22, с. 71]. Вероятно, устраивались и возкурения, что подтверждают ритуальные курильницы, специально предназначенные для этих целей, из Ольвии [23, с. 109-116], Тапанса [24, с. 186-187] и некоторых других городов Боспора.

Рис. 1 Графическое изображение сцены возлияния со стелы первых веков н. э. (Ольвия)

Рис. 2 Свинцовые букрании (Ольвия) - IV - II вв. до н. э.

Возлияния и воскурения часто соединялись с другими обрядами, в частности с принесением в жертву животных. Сведения о проведении кровавых жертвоприношений в Северном Причерноморье содержат сакральные законы Ольвии III в. до н. э. и Фанагории II в. н. э. Об этом свидетельствуют костные остатки жертвенных животных [19, с. 145], а также букрании — стилизованные изображения головы жертвы. Предназначенное для жертвоприношения животное обычно украшали повязками и венками [1, с. 88]. Свинцовые букрании IV — II вв. до н. э. в виде головы быка, украшенные повязками, розетками, листьями плюща, гроздьями винограда (рис. 2) [25, с. 84-106] и их изображения на монетах V — IV вв. до н. э. засвидетельствованы в Ольвии [26, с. 301-305]. На херсонесских алтарях IV — III вв. до н. э. встречаются изображения букраниев в виде голов козла, быка, барана [12, № 125; 27, с. 19].

Все финансовые мероприятия, связанные с выделением средств для жертвоприношений, судя по надписям III — II вв. до н. э. из Ольвии [14, № 28, 29] и II — I вв. до н. э. из Херсонеса [4, № 344, 352; 28, № 2], осуществлялись через священную казну храмов главных богов города. По свидетельству ольвийского декрета в честь Елланика [4, № 30], жертвоприношения проводились и за общественный счет.

Дары и жертвы, поступающие в храмы, считались имуществом богов. Но в действительности этими доходами обычно распоряжался город, для чего избирались особые должностные лица [15, р. 228]. Вероятно, именно такими должностными лицами были «казначей священным сумм» (*ταμίης τῶν ἱερῶν*), то есть финансовые распорядители жертвоприношений, упоминаемые в херсонесских декретах II — I вв. до н. э. [4, № 344, 352; 28, № 2; 12, № 110] и надписях горгинийских фисавов II в. н. э. (*ἱερὸν οἰκονόμος*) [7, № 1129, 1130, 1134]. Устройство празднеств и совершение жертвоприношений на Боспоре в первые века н. э. входило в обязанности и такого должностного лица, как гиеромастор (*ἱερομάστωρ*) [7, № 1054]. В Ольвии, судя по эпиграфическим данным, священной казной заведовала коллегия Семи (*ἐπταθεύσαντες*) [4, № 76].

По общегреческим понятиям, храмовые доходы могли быть использованы только для священных целей [15, р. 228]. Но в Северном Причерноморье это правило иногда нарушалось и храмовая казна использовалась в интересах города. Декрет III — II вв. до н. э. свидетельствует, что подобная ситуация сложилась в Ольвии. Когда государственная казна оказалась опустошенной, ростовщику были заложены дорогостоящие votive дары [4, № 32]. Безусловно, и в Северном Причерноморье священные средства использовались по назначению — для строительства и ремонта храмов или, например, устройства общественных трапез.

Обычай устройства общественных столов имел широкое распространение в Греции. Он был связан с древнейшим представлением о жертвоприношении как о совместной трапезе божества и людей [29, XI, X, I]. Аристофан часто подшучивал над тем, что во время

жертвоприношений боги обычно получали внутренности и другие менее аппетитные части жертвы, а саму тушу съедали почитатели [30, Eg. 410, 654, 114; Vasp. 72; Plout. 227]. Вкушение жертвенного мяса означало участие в священнодействии и должно было совершаться всеми гражданами в честь богов-покровителей. Общественные трапезы, как любые другие религиозные обряды, начинались и заканчивались жертвенными возлияниями и молитвами, при этом каждый участвующий надевал на голову венки из душистых цветов и растений и умащался благовонными маслами [31, Od. III, 5-9, 43-50, 339-341; 29, II, X, I; 32, Iph. in Taur, 951].

Учитывая важность общественных трапез в религиозных обрядах древних греков, можно допустить их проведение и в Северном Причерноморье. Некоторые археологические материалы позволяют говорить о существовании этого обычая уже с VI — V вв. до н. э. В святилищах Мирмексы [33, с. 36] и Ольвии [19, с. 139] этого времени были обнаружены лещные горшки больших размеров, предназначенные для коллективных ритуальных трапез. Ольвийские декреты III — II вв. до н. э. свидетельствуют о проведении общественных угощений в святилище Аполлона [14, № 29, 35, 36], куда помимо свободных граждан приглашались, очевидно, и иноземцы, которые были почетными гражданами города. По свидетельству Павсания, во всех городах Греции существовали специальные здания для устройства общих столов [34, V, XV, 8]. Судя по надписи первых веков н. э., такая столовая с тремя застольными ложками была и в Ольвии [14, № 85]. Декрет сообщает, что ольвийские стратеги посвящали ее святилищу Аполлона, тем самым подтверждается предназначение здания для священнных общественных трапез. Сама же церемония проводилась в Северном Причерноморье с соблюдением общегреческих традиций. Многочисленные упоминания в надписях из Ольвии [4, № 26, 32, 34, 39, 184; 14, № 28, 29, 34] и Херсонеса [4, № 344, 352, 423] об увенчании золотыми венками выдающихся граждан, а также традиции погребения в венках, от которых сохранились металлические фрагменты, находимые в некрополях боспорских городов [35, с. 154], позволяют предполагать существование здесь и обычая общественных трапез в венках из живых цветов или ветвей.

Важное место во время жертвоприношений, священных трапез и других общественных церемоний занимала молитва [29, VIII, IV, 4с]. При проведении торжественных молитв соблюдались определенные обряды. Молящимся следовало быть ритуально чистыми. При этом они делали возлияния, курили благовония и надевали на голову венок. Упомянутые выше археологические и эпиграфические материалы позволяют предположить, что подобные обряды во время молитв совершали и граждане северопонтийских городов. При произнесении молитв, обычно, после призыва к божеству и превознесения его могущества следовали просьбы молящихся, соединенные с обетами в случае их исполнения. Выполнение таких обетов фиксировалось в надписях, которые довольно часто встречаются в Северном Причерноморье. Например, свидетельства о постройке по обету на собственные средства храма или здания иного характера из Паптикапея [7, № 64] и Горгиинии [8, с. 47, № 32; 7, № 1115], об отпуске на волю раба [7, № 70-73, 1123, 1125], а также просто о приношениях и дарах, отмеченных надписями Ольвии [4, № 162; 14, № 86-88, 90], Херсонеса [28, № 19], Гермонассы [7, № 1048] и Танаиса [7, № 1260].

Во время общественных обрядов молитвы обычно произносились в виде гимнов и песнопений, различающихся в ритме и содержании, в зависимости от почитаемого культа. В Северном Причерноморье обнаружен текст одного из таких гимнов II в. н. э. Обращен он к Гермесу и происходит из Херсонеса [4, № 436]. Обрядовая сторона культа Аполлона сопровождалась особым песнопением — песном. Это подтверждают надписи мольпов — союза жрецов, связанного с культом Аполлона Дельфинии в Ольвии (V в. до н. э.) [14, № 55, 58, 63, 167; 4, № 397]. Мольпы — это собственно «песнь», и отправлявшийся ими культ обязательно сопровождался песнопениями. Широко распространенное в Херсонесе, Ольвии и городах Боспора почитание культа Диониса [36, IV, 79; 37, VIII, III, 18], вероятно, включало в себя пение дифирамбов.

Общественные жертвоприношения, пиры, молитвы могли устраиваться как самостоятельные культовые церемонии, но обычно они сопровождали, пожалуй самую

яркую священную церемонию древних греков — религиозное празднество. По словам Платона, главная особенность священных празднеств состояла в запрещении работать, в обязанности веселиться и проводить время в песнях и народных играх [38, II, 584]. Такие празднества обычно устраивались в честь божеств, ставших государственными культами. Совершались они за счет казны и регулировались законами. Наблюдение за их исполнением могло быть поручено ответственному жрецу. Однако чаще оно находилось в руках магистратов и нередко являлось литургией, то есть добровольной обязанностью, возлагаемой на богатых граждан города [15, p. 229; 1, с. 167]. Подобную систему организации празднеств мы находим в Ольвии. Из многочисленных посвящений коллегий архонтов и стратегов (II — III вв. н. э.) следует, что они должны были заботиться о соблюдении норм культа Ахилла, организации его празднеств — Ахиллей, что в то же время являлось обязанностью состоятельных граждан [4, № 130-152; 14, № 86-89].

Для наиболее важных эллинических празднеств, сопровождавшихся общественными состязаниями, обычно избирались особые ответственные лица. Эта традиция подтверждается эпиграфическими материалами Северного Причерноморья. Организаторами и распорядителями религиозных празднеств и агоней, судьями состязаний были агонифеты (*ἀγωνοθέτης*), что засвидетельствовано надписями из Фанагории IV в. до н. э. [7, № 1039] и Херсонеса II в. н. э. [4, № 620; 12, № 127]. Официально эта должность считалась выборной, но могла передаваться и по наследству [15, p. 234]. Указание на окончание срока агонифессии в фанагорийской надписи, а также свидетельство о выборности агонифета в западнопонтийском городе Каалатисе [9, с. 92] позволяют предполагать, что эта должность была выборной и в городах Северного Причерноморья. Организаторами соревнований являлись также гимнасиархи (*γυμνασιάρχης*), которые в одних случаях могли быть литургами, а в других — магистратами. Последняя должность считалась почетной и возлагалась на выдающихся граждан города. Надписи III в. до н. э. и II в. н. э. свидетельствуют, что крупными общественными деятелями до получения ими должности были гимнасиархи Херсонеса [4, № 418, 424, 436, 437]. Здесь гимнасиархия являлась магистратурой [39, с. 82]. Гимнасиархи засвидетельствованы также надписями II — III вв. н. э. из Ольвии [4, № 186], Паптикаея [7, № 90, 103], Горгии [7, № 1140], Танаиса [7, № 1260а, 1263, 1264, 1268, 1277-1280, 1282, 1287, 1288], где, скорее всего, эта должность выполнялась как литургия [40, p. 613, 623]. На Боспоре об этом свидетельствует упоминание гимнасиархов только среди должностных лиц таких общественных объединений, как фиасы. В Ольвии же это следует из общего литургического характера организации празднеств.

Греческие священные празднества обычно состояли из священнодействий, игр и ритуальных пиршеств, которыми всегда завершались праздники [41, p. 457]. Главная часть ритуала заключалась в жертвоприношениях, сопровождавшихся торжественными процессиями. Игры (*ἀγώνος*) служили только украшением праздника, но именно они, а не священнодействия, возбуждали огромный интерес у эллинов.

Широкая популярность игр была вызвана особенностями древнегреческого общества, где оценка коллектива, к которому принадлежал человек, его похвала или порицание были важнейшими регуляторами поведения людей в общественной жизни [10, Ником. этика, 1109в]. С другой стороны, каждый индивид стремился превзойти окружающих в достижении жизненных целей. Этому во многом способствовал характер греческого полиса с его небольшой территорией и ограниченным числом граждан, которые в большинстве своем могли знать друг друга. Общественное признание в такой ситуации было особенно ощутимым и способствовало развитию духа соперничества (агонистики).

В Северном Причерноморье можно выделить несколько священных празднеств, во время которых устраивались агонии. Упоминание Геродотом [36, IV, 55, 72] названия «Ахиллов бег» (*Ἀχιλλεύς δρόμος*) позволяет говорить о существовании таких празднеств уже в V в. до н. э. в Ольвии, а именно на Тендровской косе. Одна из античных легенд выводит данное название из празднеств и состязаний, устроенных в этой местности Ахиллом в честь победы в сражении [42, II, 5; 43, IV, 82]. Время возникновения

празднеств в честь Ахилла подтверждает и найденная в Ольвии стела конца V — начала IV вв. до н. э. с фрагментами агонистической надписи [4, № 195]. Учреждение Ахиллеей, по-видимому, носило государственный характер. Об этом свидетельствует уже упоминавшийся договор IV в. до н. э. об исполнении между Милетом и Ольвией [5, с. 234, № 35]. В нем, наряду с другими привилегиями, получаемыми милетянами, специально оговорено право участвовать в ольвийских агонах. Важность этих празднеств подчеркивается и тем, что в I в. до н. э., как свидетельствует одна из ольвийских надписей, игры в честь Ахилла были возобновлены по совету Дельфийского оракула [4, № 34].

Ольвийские Ахиллеи, по-видимому, сопровождались гимнастическими и гимнастическими (копными) состязаниями. Об этом свидетельствуют находки стригилей, которыми атлеты очищали себя после тренировок и состязаний [44, с. 117, 181], изображения на вазах бегунов, метателей диска, скачущих всадников и колесниц [45, с. 144, 150, 185, 186] и эпиграфические свидетельства. Надписи III в. до н. э. сообщают о состязаниях в коротком беге (στάδιον; δρόμος) [4, № 130, 156, 186, 658], борьбе (πάλη) [4, № 130, 156], прыжках (πήδημα) [4, № 130, 156], метании копья (λόγχη) [4, № 130, 138, 157] и диска (δίσκος) [4, № 130, 157, 158]. Все эти виды входили в состав классической программы пятиборья [46, р. 113]. Видимо, в такой форме они проводились и на празднествах в честь Ахилла. В пользу такого предположения свидетельствует одновременное упоминание в нескольких надписях бега, борьбы и прыжков [4, № 130, 156], так как для победы в пятиборье достаточно было победить в трех его видах. Ольвийская надпись V — IV вв. до н. э. [4, № 195] упоминает стрельбу из лука (τοξότευν). Некоторые исследователи видят в факте существования этого агона влияние скифов [47, с. 27]. Однако данное предположение вызывает сомнения. Состязание по стрельбе из лука не было главенствующим, но оно было любимым видом агонизма у греков. Уже Гомер повествует о подобных состязаниях, устроенных Ахиллом на погребальных играх под стенами Трои [31, II. XXIII, 659-661, 872]. Лук был хорошо известен любому греку не меньше, чем диск или копье. Поэтому данный агон в Ольвии нужно считать продолжением греческой агонистической традиции, а не объяснить скифским влиянием. Декрет I в. до н. э. в честь ольвийского гражданина Никерата сообщает о проведении во время Ахиллеи конных состязаний (ἵπλοδρομία) [4, № 34]. Надпись свидетельствует, что конные агоны проводились в условиях военной угрозы, точнее, несмотря на нее. Таким образом, это подтверждает тот факт, что греки Северного Причерноморья в I в. до н. э. так же любили свои священные агоны, как и эллины, участвовавшие в 480 г. до н. э. в Олимпийских играх. По замечанию Геродота, они продолжали состязаться даже во время нашествия персов [36, VIII, 26].

Вышеуказанные материалы свидетельствуют, что история Ахиллеи охватывает период с V в. до н. э. по III в. н. э., то есть практически все время существования Ольвии. Причем обряды, сопровождавшие почитание культа Ахилла, оставались неизменными и обязательно включали, наряду со священнодействиями, игры. Подобную устойчивость обрядовой традиции можно увидеть и на примере других празднеств Северного Причерноморья.

Широкое распространение в ионийских городах Северного Причерноморья получил культ Аполлона. Он был главным в сонме богов Милета и его колоний — Ольвии, городах Боспора [37, XIV, 1, 6; 43, V, 112]. Празднества, устраивавшиеся в его честь, поэтому носили государственный характер и, вероятно, дополнялись священными агонами. Ярким примером тому является праздник Дидомеи в честь милетского Аполлона, во время которого обязательно устраивались состязания [1, с. 172]. На устройство подобных агонистических празднеств, посвященных Аполлону в Северном Причерноморье, указывает надпись IV в. до н. э. из Фанагории [7, № 1039]. В этом посвящении Аполлону упоминается организатор и судья состязаний — агонист и тем самым подтверждается регулярность проведения агонизма. Состязания, проводившиеся во время Аполлоний на Боспоре, вероятно, были гимнастическими и имели большое значение в жизни местных граждан. Это подтверждают многочисленные находки в некрополях (IV — III вв. до н. э.) Пантикапея, Фанагории и некоторых других городов разнообразных сосудов для

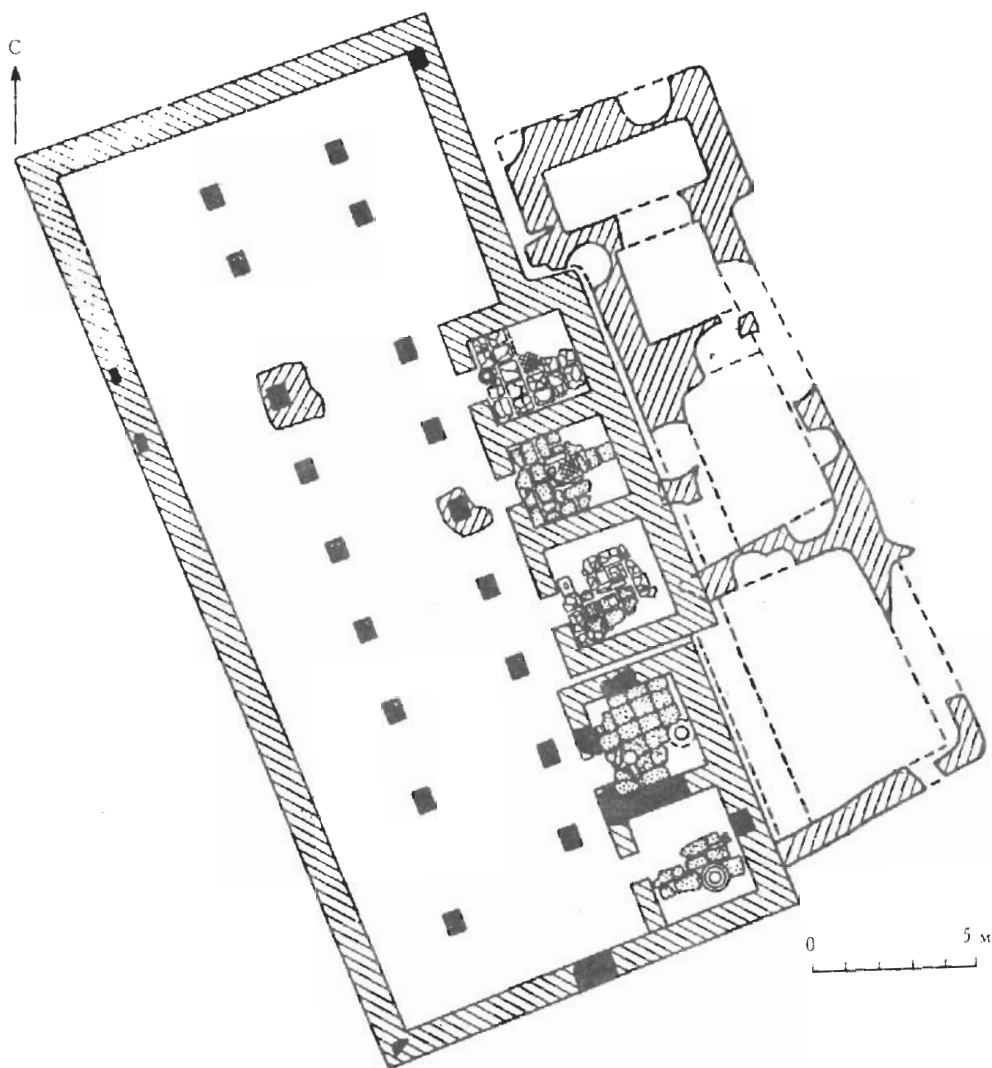

Рис. 3 Ольвия. План зала гимнасии с банными помещениями (по А. Н. Карасеву, Е. И. Левин)

масла и стригилей, принадлежавших атлетам [48, с. 282-289]. Представляет интерес также пантиканийский расписной склеп IV в. до н. э., на стенах которого изображены предметы из обихода палестрита: сосуды для масла, стригиль, полотенца, победная тенья, диадемы, венки из оливковых веток [49, с. 79-82, табл. 26-28]. Празднества, устраивавшиеся в честь бога Аполлона в Ольвии, также, вероятно, сопровождались гимнастическими агонами. На это указывает графито на чернофигурном килике с изображением борцов и посвящением Аполлону [45, с. 145]. Связь Аполлона с атлетическими состязаниями в Ольвии подтверждает и его погрудное изображение в виде обнаженного юноши, предназначавшееся специально для гимнасии [22, с. 106]. По-видимому, ольвийский гимнасий так же, как и афинский, был посвящен Аполлону [29, VIII, IV, 4]. Необходимо сказать несколько слов и о самом гимнасии. Он был построен в V в. до н. э. и первоначально целиком предназначался для гимнастических упражнений.

В конце IV в. до н. э. треть ольвийского гимнасия была отведена под багровые помещения и раздевалки (рис. 3) [22, с. 99]. В литературе существует мнение, что выделение таких специальных помещений свидетельствует о появлении профессиональных атлетов. Если предположить, что такая тенденция намечается в Северном Причерноморье с конца IV в. до н. э., то, вероятно, с этого времени в северопонтийских агонах могли принимать участие и низшие слои граждан, получая плату за выступления, тогда как ранее состязаться на агонах было привилегией зажиточных горожан.

В Херсонесе, Ольвии, Горгиппии, а возможно, и в некоторых других городах Боспора устраивались еще одни агонистические празднества, и посвящены они были Гермесу. Гермес, часто вместе с Гераклом, считался покровителем гимнасисов, палестр и молодых атлетов [50, с. 131]. Поэтому отличительной чертой посвященных ему празднеств было устройство агонизмов, в которых принимали участие мальчики и юноши. Ольвийская надпись III в. до н. э., посвященная Гермесу и сообщающая о победе в состязаниях молодого агониста, подтверждает проведение Гермей в Северном Причерноморье [4, № 186]. Еще более достоверные сведения об устройстве этих празднеств сообщает горгиппийская надпись III в. до н. э. [7, № 1137], содержащая каталог имен участников состязаний. Одновременное упоминание в ней имен отцов и сыновей свидетельствует, что боспорские Гермей имели свои особенности и, вероятно, совмещали состязания взрослых и молодых атлетов. Взрослые в Горгиппии состязались в длинном беге (δόλιχος), а юноши — в специальном агоне эуксии (εὐεξία), поимьем, скорее всего, военный характер, так как он предназначался для эфебов.

Специальные празднества, во время которых состязались молодые атлеты, устраивались и в Херсонесе. В автономный период существования города эти празднества, вероятно, были посвящены Гераклу, о чем свидетельствует месяц Гераклий в херсонесском календаре [4, № 359, 402]. Очевидно, и празднества, и месяц были перенесены в Херсонес из метрополии — Гераклеи Понтийской, где культ Геракла был широко почитаем и сопровождался проведением празднеств с состязаниями [51, р. 215]. Находки стригилей и их изображения на юношеских надгробиях IV — III вв. до н. э. свидетельствуют, что во время Гераклий в Херсонесе устраивались гимнастические агоны [52, с. 113]. При этом они носили государственный характер, поскольку к этим событиям были приурочены специальные выпуски монет [53, с. 379-397, табл. 26]. В первые века нашей эры состязания мальчиков и юношей, вероятно, устраивались на празднествах в честь бога Гермеса, культ которого в римское время вошел в число государственных культов Херсонеса. Об этом свидетельствует и гимн II в. н. э., посвященный Гермесу херсонесским гимнасиархом [4, № 436]. Надписи I — II вв. н. э. позволяют выяснить виды агонизмов, вероятно, входившие в программу херсонесских Гермей. Это было пятиборье (πένταθλον), различные виды бега: короткий (στάδιον), двойной (διάβλος), длинный (δόλιχος), а также борьба (πάλη), кулачный бой (πυγμή) и особый, так до конца и не выясненный вид состязаний — аккиломахия (ακκυλομάχια) [4, № 434, 435; 28, № 20; 12, № 127]. В столь сложной программе агонизмов, вероятно, принимали участие только эфебы, мальчики же, скорее всего, упражнялись в беге. Сохранение в Херсонесе обычая проведения гимнастических агонизмов, как во время Гераклий, так и в Гермейх, и участия в них херсонесского юношества объясняется особой приверженностью традициям предков, характерной для дорийских полисов. Само же устройство в Северном Причерноморье празднеств с участием молодых атлетов свидетельствует о важном значении, которое придавалось их физическому развитию как будущим защитникам родного города.

Особого рода празднествами в Северном Причерноморье были Дионисии, связанные с шумными шествиями, весельем и, конечно же, агонами. Из рассказа Геродота о Скиле [36, IV, 78-80] следует, что уже в первой половине V в. до н. э. такие празднества устраивались в Ольвии. Дионисийские процессии часто сопровождались особыми восклицаниями — «эвай» (ΕΥΑΙ) и «эй» (ΕΑΙ), что зафиксировано ольвийскими и феодосийскими граффити [54, с. 98; 55, с. 353]. Есть свидетельство о процессиях во

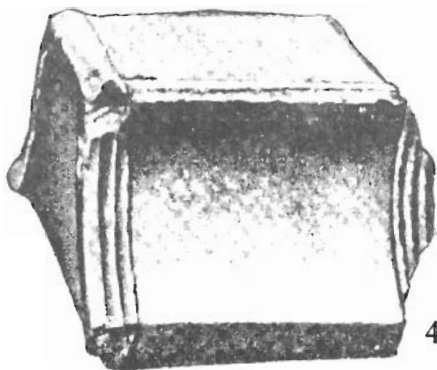
1

2

3

4

Рис. 4

- 1) Терракотовая статуэтка актера (Ольвия) — местное производство.
- 2) Трагическая маска (Пантикапей) — местное производство.
- 3) Терракотовая статуэтка актера (Херсонес) — местное производство.
- 4) Мраморное кресло из театра (Пантикапей).

времени Дионисий в Херсонесе. Оно содержится в надписи III в. н. э., которая упоминает фиасарха (φιαρχῆς) [4, № 425], то есть предводителя вакхической процессии. Надписи IV — II вв. до н. э. из Ольвии [4, № 25; 14, № 28] и III в. до н. э. из Херсонеса [4, № 344] также подтверждают проведение в Северном Причерноморье празднеств в честь Диониса и указывают на их связь с театром. Здание античного театра обнаружено только в Херсонесе, где он существовал с конца III — начала II в. до н. э. по IV в. н. э. [56, с. 29-36]. Однако надписи из Ольвии [4, № 25; 14, № 28], свидетельство Полиена о существовании театра в Феодосии [57, V, 44] и мраморное кресло IV в. до н. э., вероятно, находившееся в театре Пантикапея (рис. 4, 4) [58, с. 247], позволяют предполагать существование театров и театральных представлений и в этих городах Северного Причерноморья. Многочисленные находки в городах Боспора, Ольвии, Херсонесе театральных масок и терракотовых статуэток актеров (рис. 4, 1-3) [59, с. 6-22] свидетельствуют о разнообразии театральных представлений: трагедиях, комедиях, сатировой драме. Надпись первых веков нашей эры, найденная в районе херсонесского театра, свидетельствует о проведении литературно-музыкальных состязаний, включавших комедию (κωμῳδία), эпикомии (ἐπικῳμῶν) — хвалебное стихотворение, эпиграмму (ἐπίγραμμα), а также состязания глассатаев (κάρυκας) и трубачей (σαλλιστάς) [4, № 433; 12, № 127]. Под состязанием трубачей, возможно, понимались вообще состязания музыкантов. Об этом свидетельствуют находки музыкальных инструментов: костяных флейт III — II вв. до н. э. в Тиритаке [60, с. 44] и первых веков н. э. в Херсонесе [61, с. 52], лиры III — IV вв. н. э. в Пантикапее [62, с. 140]. Таким образом, характерной чертой северопонтийских Дионисий были театральные представления и музыкально-литературные состязания.

В Северном Причерноморье существовал еще один праздник, который проводился очень пышно, с торжественным шествиями, жертвоприношениями и, вероятно, с агонами. Это Парфении — священный ритуал в честь главной богини Херсонеса Девы [4, № 352]. Орывочность сведений, однако, не позволяет рассматривать это празднество более подробно.

Важно отметить, что празднества, устроивавшиеся в городах Северного Причерноморья, на протяжении всего античного периода сохраняют свое культовое значение и характерные эллинистические обряды. Но с течением времени их роль в общественной жизни претерпевает изменения. В автономный период существования городов празднества с агонами имели большой общественный резонанс. Их характерной особенностью была церемония прославления и награждения граждан, оказавших большие услуги городу [14, № 28; 4, № 34, 344, 352]. Прилюдное награждение во время общественных игр (Ахиллей, Дионисий, Парфений) и увековечивание этого момента в надписи имело целью побудить читающих декрет к соревнованию в услугах отечеству, в надежде, что и они будут удостоены подобных же вечных почестей. В первые века н. э. в связи с распространением римского влияния гармония между священнодействиями и агонами нарушается. Празднества остаются по-прежнему культовыми, но все священное постепенно отодвигается на второй план, проводится более формально. Главное внимание уделяется состязаниям, которые теперь рассматриваются скорее как развлечения, чем ритуальные обряды. И празднества уже не являются теми общественными событиями, во время которых гражданский коллектив давал высшую оценку своим выдающимся соотечественникам. Одновременно в Северном Причерноморье растянулся на столетия, проявляясь в отдельных городах с большей или меньшей интенсивностью, и не приняв таких резких форм, как в материковой Греции. Во многом это было обусловлено враждебным окружением местных племен, требовавшим постоянной консолидации сил греческой гражданской общины. Поэтому гражданская солидарность, общее участие в празднествах, священных обрядах продолжали занимать важное место в жизни северопричерноморских государств.

Таким образом, основные культовые обряды, в которых принимали активное участие граждане греческих городов Северного Понта, включали жертвоприношения, общие трапезы, молитвы и священные празднества. Их проведение по общегреческим канонам

традициям с обязательным устройством общественных игр свидетельствует, что религия и агонистика были не только важнейшей составляющей общественной жизни, но даже подчиняли ее себе. Представить какие-либо события в жизни северопонтийского города без религиозной окраски и духа состязания просто невозможно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Латышев В. В. Очерк греческих древностей. — СПб., 1899. — Ч.2.
2. Блаватская Т. В., Розов В. Н. Граффити зенонигтов // Эпиграфические памятники древней Малой Азии, античного Северного и Западного Причерноморья как исторический и лингвистический источник. — М., 1985.
3. Яйленко В. П. Греческая колонизация VII — III вв. до н. э. — М., 1982.
4. Latyshev V. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. — Petropoli, 1916. Vol. 1, ed. 2.
5. Граков Б. Н. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. — 1939. — № 3.
6. Русяева А. С. Милет — Дидимы — Борисфен — Ольвия. Проблемы колонизации Нижнего Побужья // ВДИ. — 1986. — № 2.
7. Корпус Боспорских надписей. — М.; Л., 1965.
8. Латышев В. В. Эпиграфические новости из южной России (находки 1906 г.) // ИАК. — 1907. — Вып. 23.
9. Данов Х. М. Западные бряг на Черно море в древността. — София, 1947.
10. Аристотель. Сочинения. В 4-х т. — М., 1983. — Т. 4.
11. Корольков Д. Несколько неизданных мегарских надписей // ЖМНП. — 1883. — № 9.
12. Соломоник Э. И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. — Киев, 1973.
13. Кадеев В. И. К вопросу о «царствовании» Девы в Херсонесе // КСИА. — 1976. — Вып. 145.
14. Надписи Ольвии (1917-1965). — Л., 1968.
15. Jones A. H. M. The Greek City from Alexander to Justinian. — Oxford, 1940.
16. Толстой И. И. Культ Аполлона на Боспоре и в Ольвии // ЖМНП. — 1904. — № 1.
17. Толстой И. И. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. — М.; Л., 1953.
18. Зограф А. Н. Находки монет в местах предполагаемых античных святилищ на Черноморье // СА. — 1941. — Т. 7.
19. Козуб Ю. И. Древнейшее святилище Ольвии // Ольвия. — Киев, 1975.
20. Думберг К. Е. Раскопки в Паптикаесе // ОАК за 1898. — СПб., 1901.
21. Косцюшко-Валюжинич К. К. Раскопки в Херсонесе // ОАК за 1906. — СПб., 1909.
22. Леви Е. И. Ольвия. Город эпохи эллинизма. — Л., 1985.
23. Зайцева К. И. Расписная курительница-урна из Ольвии // СА. — 1970. — № 3.
24. Арсеньева Т. М. Лепная керамика Танаиса // ДНД. — М., 1965.
25. Зайцева К. И. Ольвийские культовые свинцовые изделия // Культура и история античного мира. — Л., 1971.
26. Карышковский П. О. Заметки о монетах Ольвии // СА. — 1960. — № 3.

27. Бертъе-Делазард А. Л. Раскопки Херсонеса // МАР. — 1989. — № 12.
28. Соломоник Э. И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. — Киев, 1964.
29. Плутарх. Застольные беседы. — Л., 1990.
30. Aristophanis comoediae, ed. Th. Bergk. — Lipsiae, 1923. — Vol. I — II.
31. Homeri carmina, ed. G. Dindorf et C. Hentze. — Lipsiae, 1930 — 1935. — Vol. I-II.
32. Euripidis tragoediae ex rec. A. Nauckii. — Lipsiae, 1912. — Vol. I.
33. Гайдукевич В.Ф. Мирмекийские зольпикки-эсхары // КСИА. — 1965. — Вып. 103.
34. Павсаний. Описание Эллады. — М., 1938. — Т. 2.
35. Шкорпил В. В. Отчет об археологических раскопках в г. Керчи и его окрестностях в 1902 г. // ИАК. — 1904. — Вып. 9.
36. Геродот. История. — Л., 1972.
37. Страбон. География. — Л., 1964.
38. Платон. Законы. // Платон. Соч. — М., 1972. — Т. 3., ч. 2.
39. Кадеев В. И. Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. — Харьков, 1981.
40. Minns E. H. Scythians and Greeks. — Cambridge, 1913.
41. Ringwood I. A. Local festivals at Delos // AJA. — 1933. — Vol. 37. — № 4.
42. Melae Pomponii de chorographia libri tres. Rec. C. Frick. — Lipsiae, 1880.
43. Plini naturalis historia. Rec. C. Mayhoff. — Lipsiae, 1892. Vol. I.
44. Парович-Пешикан М. Некрополь Ольвии эллинистического времени. — Киев, 1974.
45. Леви Е. И. Материалы ольвийского теменоса // Ольвия: Теменос и агора. — М.; Л., 1964.
46. Olivova V. Sports and Games in the Ancient World. — Praha, 1985.
47. Семенов-Зусер С. А. Физическая культура и зрелища в древнегреческих колониях Северного Причерноморья. — Харьков, 1940.
48. Кунин В. Э., Кунина Н. Э. Курганные погребения пантикапейского некрополя на северо-восточной окраине г. Керчи (охранные раскопки 1954 г.) // Археология и история Босфора. — Симферополь, 1962. — Т. 2.
49. Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на юге России. — СПб., 1914. — Т. 1.
50. Couve L. Hemaec // Daremberg et Saglio Dictionnaire des Antiquites grecques et romaines. — Paris, 1900. — Т. 3.
51. Hanell K. Megarische studien. — Lund, 1934.
52. Косцюшко-Валюжинич К. К. Извлечения из отчета о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1901 г. // ИАК. — 1902. — Вып. 4.
53. Зограф А. Н. Две группы херсонесских монет с заимствованными типами // ИГАИМК. — 1927. — № 5.
54. Розанова Н. П. Бронзовое зеркало с надписью из Ольвии // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. — Л., 1968.
55. Петерс Б. Г., Айбалин А. И. и др. Феодосийская экспедиция // АО 1976 г. — М., 1977.
56. Домбровский О. И. Античный театр в Херсонесе // СХМ. — 1960. — Вып. 1.
57. Стратегмы Поллениа. — СПб., 1842.
58. Блаватский В. Д. Мраморный трон из Пантикапея // СА. — 1957. — № 2.

59. Кобылина М.М. Терракотовые статуэтки Северного Причерноморья // Терракоты Северного Причерноморья. — САИ. Вып. Г1-11. — М., 1970.
60. Книпович Т.Н., Славин Л. М. Раскопки юго-западной части Тиритаки // МИА. — 1941. — № 4.
61. Белов Г. Д. Раскопки Херсонеса в 1961 г. // СГЭ. — 1964. — Вып. 25.
62. Алексеевская Л. М. Лира из Керчи // ИАК. — 1915. — Вып. 58.

S U M M A R Y

The different rites were the characteristic element of the ancient Greek religion. The existence of these sacred acts in the northern part of the Black Sea coast is proved by some archaeological, epigraphic and numismatic evidences. The citizens were taking an active part in sacrifices, public meals and prayers, religious festivals. The latter were the most interesting reflection of the ancient social life there. There were festivals which were dedicated to such Gods as Apollo, Hermes, Heracles, Ahillius, Dionisus, Virgin.

There is a good evidence that in the autonomous period the religious festivals had a great social resonance. Later, in the period of the Roman influence, they became rather entertainments than sacred rites and gradually lost their social significance.